
Людмила МАРАВА

ПОПЭЛЮШКЫ¹

За столом гуляют харьковчане,
Рядом с ними — киевский народ.
Вместе — одесситы и минчане!
Все смешалось! Черт не разберет!

Вилли Токарев

Событие то, осенью прошедшего года, было исторически значимым: открытие в России памятника известному зарубежному композитору. Гиганту музыкотворения, с легкостью, присущей гению, прошагавшему в своем седом парике с завитыми крупными буклями и в бархатных, как и его благородный парадный кафтан, звуках многоголосных фуг, кантат, пассакалий, партит (и это всего лишь ничтожно малая крупица творческого наследия композитора) по временной спирали нескольких веков. И по городам и весям всех, абсолютно всех стран мира.

Вполне возможно, творения Иоганна Себастьяна Баха звучат в электронных записях, и в джунглях Амазонки, и на снежных просторах Антарктиды. Меломаны современности, как ни странно, стали отдавать большее предпочтение высокой духовности музыкальной классики. А она, как известно, не имеет границ, не грешит оспариванием гениальности, присущей творцам той или другой национальности.

Но тогда, в торжественный момент снятия символической вуали с памятника композитору, я, в числе почетных приглашенных на знаковое событие гостей, русско-иностранноязычных, терпеливо и с интересом наблюдала за теми тремя — двумя женщинами и мужчиной, с особым галантным удовольствием рассыпавшихся в любезностях. Или обменивавшихся всячески проявляемыми эмоциями взаимного почтения друг к другу, каждая из которых была подкреплена широкими лучезарными улыбками.

Я находилась не очень далеко от них, и было слышно, с каким великосветским достоинством представлялись эти трое друг другу. Высокий импозантный мужчина — самый главный в большом городе по культуре. Одна из женщин, особа с бесцветной, незапоминающейся внешностью, — консул, фигура особая, дипломатическая, представлявшая серьезно-важную европейскую страну в том большом городе. И, наконец, другая женщина — куратор по культуре, из той же страны, в том же посольстве, в том же российском городе. Тоже ничем внешне не примечательная.

Обмен визитками как итог культурно-делового общения произошел по этикету, в правильно наступивший миг. После чего высокопоставленная тройка обменялась,

Людмила Маравя родилась в городе Макеевка, Донецкая область. Окончила Донецкую консерваторию. Печаталась в журналах «Крым», «Дон», «Нева». Живет в Донецке.

¹ Попэлюшка — *по-украински* Золушка.

по протоколу, крепкими рукопожатиями. С обещаниями продолжать начатое содружество. При любом возможном поводе.

А почему бы и нет, подумалось мне. Объединяющее начало — музыка Баха — не есть ли это искомое единство во взаимопонимании людей, говорящих на разных языках, всемерно благостно и намеренно открыто стремящихся к пониманию друг друга.

В ореоле подобных мыслей — смело, главное! — без признаков провинциального смущения на лице подошла я к женщине, куратору по культуре, когда та осталась одна. И, представившись, заговорила с ней.

Настроение интернациональной внутренней веселости женщины по инерции продолжалось. И было очень ей к лицу. Незнакомка немного пощебетала на ломаном русском о чудесном солнечном дне, о чудном и радостно запоминающемся мгновении наступившей осени. Поделилась краткими мыслями о своей дочке, которая как-то незаметно оказалась между нами. И сообщила, что малютка ходит в местный детский сад, чтобы учить русский язык и постигать русский дух. А потом, как будто опомнившись и выходя из ступора затянувшегося веселья, внимательно и с интересом посмотрела на меня: а вам-то чего, подразумевая.

— Я — из Донецка, — твердым голосом отозвалась я.

Улыбка с лица женщины мгновенно исчезла. И стало оно затвердевшее жестким. Смотрела она на меня теперь ошеломленно-настороженно.

— Вы знаете, что у нас происходит? — я твердо решила не упускать свой шанс завладеть вниманием женщины. Чтобы она, хотя бы в силу своего культурно-кураторского положения в чужой стране, проявила интерес к тому, о чем я намеревалась ей рассказать устами очевидицы донбасской трагедии. Чтобы, узнав о нашей беде, поведала она потом о ней в своей цивилизованной, как она себя дипломатически строго позиционирует, стране.

Но реакция женщины на мой вопрос оказалась тревожно-опасливой:

— Вы о политике? — тон демонстрировал совершенное владение собой, но прищур ее глаз остекленел нешуточным раздражением.

— Нет, — ответила я. — Я — о жизни. На Донбассе. Вам это *может* быть интересно. Секунды взаимного молчания.

— Да. Это интересно. Оставьте мне свой телефон. Я вам позвоню.

И не перезвонила она мне. Потом. Не сомневаюсь, внутренне долгое время негодуя, что я так некстати и неожиданно неприятно оказалась на ее культурно-дипломатической дороге.

Женщину я не осудила. Так как собрала я в копилке жизненных впечатлений несметный многолетний опыт общения с единоплеменными русскоязычными братьями. Из всевозможных контор и конторочек, культурно-просветительских и партийно-общественных, ежечасно массово одурманивающих призывным пустозвонством к единению какого-то сказочно-мифического добра, которое зацветет однажды, до сих пор не пойму где, хмельным дурманом всеобщего благоденствия.

Но есть в роковой, выстраданной в годах трагедийной стабильности и другое, что оказалось постоянным — возможность говорить о части окружающего мира, что оказалась отрезанной от всего иного жизненного пространства и густо населена, как оказалось, людьми лишними. Кто хочет, тот может в том самостоятельно удостовериться, обратившись к аргументированным источникам.

А пока кишит Донбасский край биологическим планктоном, выживающим в драматически замедленной рутинной жизни без каких бы то ни было эмоций. Тянет огромный регион ляжку затянувшейся безнадежности в рамках некоего заданного экспери-

мента по выявлению вероятной продолжительности живучести. Настолько трагично и бессмысленно такое существование, что, даже всего лишь наблюдая за плачевным действием, невольно участвуешь в происходящем, не погрязая в топком болоте грязной политики, но болезненно проникаясь судьбами знакомых и незнакомых людей.

Я помню, с какой душевной открытостью рассказывала мне одна давняя знакомая о своей поездке в Европу, целью которой было вовсе не развлечение. С трудом бедолаге удалось наскрести денег на билет в один конец. Терять было нечего. Война отняла у нее все: разрушила дом, лишила убогой работы, погнала едва подросших детей в другую страну. И последним ударом завершила излом ее израненной души, превратив в аморфную, охладевшую к горестям массу. От осознания своей ненужности миру здравый рассудок сменился абсолютным безразличием ко всему...

Тщательная сортировка человечности уже вопила во весь голос. И о том, что она есть, что она существует, довелось мне сказать летом 2014 года:

...17 июля 2014 года. Наконец весь мир заговорил о Донбассе во весь голос! Все газеты мира! Все теле- и радиостанции! Но какой ценой произошел прорыв в информационной блокаде! С высоты более 10 000 метров рухнул в поле пассажирский самолет. Что может быть ужаснее!? На многие километры разбросало обломки корпуса и останки погибших. И под ними выжженная земля.

Земля! Что, измученная страдалица, происходит с тобой этим летом? За что ты так наказана людьми? Рядом, в этом районе, идут долгие, изматывающие, кровопролитные бои и горит пшеница. Урожая не будет. Предстоит зима.

Затепилась надежда, что приедут из-за границы эксперты, чтобы расследовать причины крушения самолета, и увидят происходящую вокруг человеческую трагедию. Значит, мы будем не одни со своим горем! Эксперты едут!!! Мир застынет в ужасе, увидев наконец на экранах телевизоров наши разрушенные города, спаленные села, убитых детей на руках родителей, потерявших от горя разум.

Ох, как мучительно тянется время, эксперты все никак не могут доехать к месту катастрофы. Мир гудит, как огромный растревоженный улей. Европа скорбит... И зажигает свечи в память о погибших пассажирах. Военные действия в районе падения продолжаются. Уже понятно, что воздушный лайнер был сбит. Почему не говорят о войне на нашей земле?! Почему с утра и до вечера — съемки обломков самолета на месте крушения?! Репортажи на ТВ с комментариями на всех языках мира. И — ни слова, ни единого слова о нас... мы же совсем рядом!.. На поле, где произошла катастрофа, слышен грохот орудий... Бои не прекращаются...

А в Европе женщина, начавшая свое добровольное батрачество на чужую семью, поломойка-полотерка, с жадностью изголодавшейся по сочувствию жертвы жестокого насилия, покорно, без внутреннего сопротивления, с тупым желанием все принять, со всем смириться, растворилась в тумане инородной веры. Приезжала моя знакомая осенью домой. Побродила по руинам дома. Пообщалась со своим городом — на родной сторонке каждый камешек знаком. Со знакомыми категорически не стремилась встречаться. Избегая утомительных вопросов о ее жизни. Но однажды ее прорвало, и не верилось, как многое из бывшего потеряло для нее смысл, какой нравственно зависимой от чужой жизни и веры она стала:

— Пошла я в храм, в церковь их... а там мальчик, только говорить начал, исповедуется. И вижу, каким ангелочком он становится, невинным и... добрым... И я почувствовала его чистоту. У меня как будто крылья за спиной начали расти... Расплакалась я, когда дал пастор ему конфетку... А мальчик пообещал, что не будет больше шалить... Моя подруга, — продолжала женщина, — была со мной. Она мне все перевела. А по-русски со мной никто не хочет там разговаривать. Надо переучиваться. Трудно,

но начала уже учить их язык. А то скажешь где слово свое, а они, не все, но готовы кинуться собаками цепными на меня, обзывают по-ихнему... Трудно это все... Живу в комнате с другими заробитчанками. Много нас. Ладим мы все — украинки, молдаванки, русские. Помогаем друг другу. У всех же дома дети. Еда? Так не кушать же мы туда приехали. Зарабатывать надо. А возвращаться домой не хочу. Потом можно будет и на съемной квартире пожить... Сдружилась я там с киевлянкой одной... А дальше... Не знаю... Видно будет...

Но метлой поганой погнали всех заробитчанок (тысячи женщин), мигрирующих по миру наследниц Великой Победы, с глаз долой, до дому, до хаты. Выгнали в 24 часа из европейской цивилизации, брезгливо терпевшей (кто откажется от дармовой рабочей силы?) их временное присутствие на своих задворках до погружения во мрак смертельного страха перед чумным вирусом. А Боливар ораву голодных и бездомных в кризисное время не выдержит.

Рассказала женщина, как быстро собрала свой нехитрый скарб, как билась насмерть с другими русскими мытарщицами из бывшего Союза на границе, лишь бы только домой прорваться, лишь бы вернуться на свою землю. Ну нет же спасения на чужих берегах!

Донбасская трагедия — о двух сторонах. Ни одна — не радостней другой. И ни одна в таких унижающих человеческое достоинство подробностях не вяжется с грядущим юбилеем Победы единого по-прежнему народа. Как это было во времена Второй мировой войны.

Работает невидимый маховик по возвеличиванию исторического факта. Наверное, это обоснованно и закономерно. Но буксует он, пробуксовывает скрежетом абсурда, как ржавым гвоздем по стеклу скрипит. Разделяя неделимое целое на две огромные части. Каждая из которых — история. И каждая — злопамятнее и надежнее людей, ее творящих.

Кровопролитие на Донбассе, этот современный, разрушающий человеческую сущность феодализм, — закономерное послесловие к реально наступившей эре повального разрушения. Вначале — развал Советского Союза, одержавшего, помимо других великих и неоспоримых достижений, Великую Победу. Потом — трупное, тщательно культивируемое разложение нравственности, приведшее к бесславленным национальным конфликтам, порождающим голод, безработицу, нищету. Бушующая пандемия окончательно добьет иллюзию «процветания» — разруха будет превалировать повсеместно, как это происходит уже шесть лет на Донбассе. Готовьтесь, господа, все бывшие советские, сочувствовать друг другу...

А в центре Донецка, где не грохочут сейчас пушки и притихли конкурсы красоты, буйно цветет буржуйская роскошь. На чумном пиру спешат нувориши (не терпится!) показать свои новые караты да подымить в донецкое небо выхлопными газами из неигрушечных машинок, сверкающих баснословной (в военное-то время!) показухой...

Но и о здоровье пенсионеров здесь по-отечески «позаботились». Клич «Все для победы над чумой!» поняли своеобразно. Отменили старческие льготы для проезда в общественном транспорте: сидите, мол, старичье, плешивое, трухлявое, по норам своим вонючим. Да продолжают ездить одинокие старики почти поголовно: кушать-то хочется. Выискивают, где что подешевле можно купить-урвать, опорожняют дырявые кошельки. Вот и тарахтят на маршрутках, полусгнивших, реанимированных на скорую руку.

Основная группа продуктов (великая радость!) не очень подорожала. Лимоны, панацея от респираторных болячек, — 450 рублей за килограммчик. Неслабую накрут-

ку сделали. Так ведь для своих, бедствующих. А прожиточный минимум — шесть тысяч рублей. Исчезли из аптек многие лекарства, что означать может только одно: вскоре объявятся они, но станут дороже. На сколько? А это как счетчики в мозгах курирующих местную аптечную отрасль насчитают. Масок медицинских по-прежнему нет! Но много льется в уши советов, как правильно мыть руки с мылом. А кусочек мыла во многих семьях стал слитком бесценной гигиенической драгоценности. Хранится такая ценность вместе с мыльной пеной, пару раз использованной, как зеница ока.

По-прежнему маячит позорным бельмом в самом центре Донецка гранитный камень с надписью-напоминанием о том, что будет на его месте установлен памятник женщинам-шахтеркам, своими руками восстанавливавшим шахты Донбасса после Второй мировой войны. Работали они в шахтных подземельях вместо мужиков и довели послевоенную добычу угля до предвоенных показателей. Но и об этом забыли. Тотальный цинизм забвения не пощадил безвестных тружениц. Не вспомнили о них в канун 75-летия Великой Победы...

Всё или ничего. Убогость жизни одинокого старика, одного из тех, кто бросали в 1945 году фашистские знамена к стенам Кремля во время первого парада Победы в Москве. Не осталось свободного места на его пиджаке — так много получил он боевых наград.

А обшарпанная, скулящая нищетой квартира донецкого блокадника выглядит как музейный экспонат, наглядно рассказывающий о науке выживания донбасских стариков в XXI веке. Вспоминают об оставшихся немногих, забытых и ущербных, только когда приходит время состряпать очередной ролик для чьего-то насущного пиара. Прокручивается он всегда с одной целью: покрасоваться в лучах лживой благотворительности. И никакой политики. Понятное дело: ведь физическое истребление людей современными способами не может считаться политикой. Это просто зачистка человеческих джунглей, совсем по Ницше. Как и промывка обывательских мозгов призывами, как правильно проводить время во время самоизоляции.

Люди наивные! Постигните своими сознаниями, притравленными лайковыми бактериями: закаты чередуются с восходами. Веником о несколько веточек грязь с пола не сметешь. История идет по кругу. Выпал из обоймы многонационального единства братский народ Донбасса. И предчувствие ненужности фальшивых лозунгов (тянется оно с 2015 года) себя оправдало. А бытие донецкое, странно-блокадное, стало мучительно напоминать существование обезличенной толпы на Богом забытой земле. Да не исправить уже свершившееся зло. Разве что поразмыслить, пристально вглядываясь в его сущность...

А преддверие Великой исстрадавшейся Победы все ближе...